

ДЖЕЙН ДЖОНСОН

ВОРОТА
к морю

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д42

Jane Johnson
THE SEA GATE
Copyright © Jane Johnson, 2017
All rights reserved

Печатается с разрешения автора и *BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.* Издательство выражает благодарность литературному агентству *Nova Littera* за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Ольги Полей
Серийное оформление Татьяны Гамзиной-Бахтий
Оформление обложки Михаила Корнилова

Джонсон Дж.

Д42 Ворота к морю : роман / Джейн Джонсон ; пер. с англ. О. Полей. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 496 с. — (Иностранка. Роман с историей).

ISBN 978-5-389-29563-6

После похорон матери Ребекка разбирает вещи в опустевшей квартире и случайно обнаруживает конверт со штемпелем Корнуолла. Внутри — отчаянная просьба ее престарелой тетушки Оливии: привести в порядок старый дом, иначе старушку ждет выселение. Совершенно потерянная после смерти матери, Ребекка решает отправиться в Корнуолл. На месте женщину ждет неприятный сюрприз: Оливия попала в больницу, и выписать ее смогут только после ремонта дома! Оробевшая Ребекка тем не менее решительно берется за дело. Ей мешает все: нехватка денег, попугай-сквернослов, вечно недовольные соседи... Однако по мере того, как со стен слой за слоем сходит краска, штукатурка и вековая грязь, Ребекке открываются тайны, похороненные более семидесяти лет назад. Тайны времен, когда за окнами бушевала война, но в венах молодой Оливии кипела кровь и любовь и страсть заглушали страх... Занимаясь ремонтом, Ребекка по кирпичику восстанавливает историю жизни Оливии, отстраивая при этом и саму себя.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© О. В. Полей, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-29563-6

Ведь любовь — даже жгучая — вянет, как роза
Иль как водоросль в море, что с розой сходна.
Разве мертвые любят еще своих милых?
Выживает ли страсть в гробовой глубине?
Нет: любовь им чужда, как траве на могилах
Или волне.

Здесь люди и розы смешались друг с другом,
Их забыли кусты и просторы полей,
И дыхание времени веет над лугом,
Лишь мечтая, чтоб лето пришло поскорей.

*Алджернон Чарльз Суинберн.
Покинутый сад¹*

¹ Перевод Г. Бена.

Глава 1

Бекки

Я отнимаю телефон от уха, обрываю связь и стою, уставившись на отпечатавшийся на темном экране след жирного крема и пудры — косметики, которой я обычно почти и не пользуюсь. Стираю пятно большим пальцем и убираю телефон в карман пиджака. Трудно осознать смысл слов, только что звучавших у меня в ухе.

«При исследовании кое-что обнаружили...»

Напротив, по другую сторону улицы, две женщины продолжают громко выяснять отношения: их перепалка началась как раз в тот самый миг, когда у меня зазвонил телефон. Женщина на красной машине встала на парковочное место, которое как раз собиралась занять другая женщина, ехавшая задним ходом на грязном внедорожнике. Движение рядом с ними замерло: люди останавливаются поглазеть на скандал. Некоторые выступают в поддержку той или другой стороны. Летят в обоих направлениях запальчивые реплики, щелкают камеры телефонов. Еще минуту назад и меня могла бы увлечь эта бурная маленькая драма. Теперь же она кажется нелепостью. Так и тянет перебежать через дорогу и сказать женщинам: жизнь слишком коротка, чтобы злиться из-за таких пустяков! Од-

нако я не двигаюсь с места. Я словно вырвана из этого мира. Слова, только что услышанные по телефону, жужжат в голове, будто разгневанные пчелы, а потом уносятся прочь, оставив после себя горечь и сожаление с ноткой страха.

«Возможно, ничего страшного и нет, но необходимо проверить еще раз, просто чтобы убедиться...»

«Маме нужно сказать», — думаю я и тут же вспоминаю, почему я здесь. Маме я больше ничего не смогу рассказать, никогда в жизни.

Пригородный автобус дважды сердито сигналист, возвращая меня в реальность, и я наблюдаю, как женщина на грязном внедорожнике, признав поражение, отъезжает, скрипя шинами по асфальту. Людской поток устремляется дальше, обтекая меня, а я все стою на углу — неподвижная точка, камешек в бурном ручье. Затем снова раздается гудок, и кто-то окликает меня по имени.

— Бекки? Давай скорей, мы опаздываем. Вот ей-богу же, бабам за рулем не место. Десять минут проторчал в этой чертовой пробке!

Это мой брат Джеймс в своем блестящем «лексусе», а рядом, на пассажирском сиденье, — его жена Иви. Сердце у меня обрывается. Рядом с Иви, с ее тщательно подобранным гардеробом и изысканными манерами, я и в лучшие-то времена чувствую себя какой-то побирешкой. Стыдясь своей плохо сидящей черной юбки, которую уже много лет не надевала, я забираюсь на заднее сиденье и натянуто улыбаюсь, пряча за этой улыбкой ужас. Мой брат

и его жена по сравнению со мной — словно другой биологический вид.

Похороны — тяжкое событие, и неважно даже, что именно связывает тебя с покойным. Ты в незнакомой обстановке, в непривычной одежде, прощаешься с человеком, который тебя уже не видит и не слышит, не знаешь, что делать — сесть или встать, и все эти ритуалы едва ли не мучительнее самой утраты. Непременно что-то выбьет тебя из колеи, что-то окажется не так: дежурное соболезнование священника, который твоего родного человека знать не знал, детский плач, внезапно врывающийся в раздумчивую тишину, фальшивая нота в погребальном гимне... И все это время ты одна со своими мыслями, твоя связь с ушедшим вдруг истончается до такой степени, что становится похожа на трепещущую в воздухе паутинку, и ты уже сама не знаешь, кто ты. А потом, так же внезапно, тебя охватывает почти невыносимая тоска от осознания быстротечности жизни, и ты замечаешь, как дрожат у тебя руки: так, что слова гимна на странице расплываются перед глазами. И в душу закрадывается сомнение: а так ли искренне ты скорбишь по матери, не примешивается ли к этой скорби крупица-другая эгоистичной жалости к себе, приправляющая это горестное событие ужасом перед бренностью твоего собственного бытия?

Когда отпевание заканчивается, я оглядываюсь вокруг. Кроме Джеймса и Иви, я узнаю только парочку маминых друзей из ассоциации «Рамблерс» — мужчину в сопровождении седовласой дамы в темно-красной шляпке с сетчатой вуа-

лю, наверняка пролежавшей до этого в коробке не один десяток лет, со времен чьей-нибудь свадьбы, — и еще одно семейство из четырех человек: Розу, белокурую литовку, которая приходила помогать маме по хозяйству, ее мужа и двоих детей. С Розой мы потом коротко обнимаемся возле крематория, под яркими лучами солнца.

— Мне очень жаль вашу маму. Эта новость стала для меня ужасным сюрпризом. — Она вглядывается в меня. — Какая вы бледная! Как вы себя чувствуете, Бекки? — спрашивает она, и я отвечаю как всегда. Она заглядывает мне через плечо. — А где же ваш красавчик?

Хороший вопрос. Я чувствую, как отчаянная тоска по Эдди опалает меня изнутри, словно огнем. Бормочу что-то о неотложных делах и быстро меняю тему, стараясь принять бодрый тон:

— А как у вас с Лукасом, все хорошо? Вы хорошо выглядите! А девочки-то как выросли!

— Анна как раз заканчивает вторую ступень. Очень удачно для переезда.

— Вы переезжаете? Куда же?

Она смотрит на меня удивленно, как будто ответ разумеется сам собой.

— Домой, в Литву. Если честно, стало чувствоваться, что нам здесь уже не очень-то рады. К тому же Лукас говорит, что в энергетической компании для нас найдется хорошая работа, так что самое время уезжать. — Она кладет мне руку на плечо. — Знаете, я бы приходила помогать Дженни почаще, если бы знала, что она больна. Не ради денег, вы же

понимаете, — поспешно добавляет она. — Но она не говорила мне, что болеет.

— Она и нам не говорила, — отвечаю я.

Мамина смерть кажется чем-то нереальным. Почему я была так невнимательна во время наших с ней телефонных разговоров два раза в неделю? Кучу намеков, должно быть, упустила. Не колебалась ли она слегка перед ответом, когда я спрашивала, как она себя чувствует? Сам ответ всегда был один: «Хорошо, милая. Но это ладно, а ты-то как?», а я и не замечала, как она меняет тему. Мама всю жизнь ставила на первое место других, а не себя. Я даже не знала, что в последний раз она говорила со мной уже из больницы: она ведь отовсюду звонила с одного и того же мобильного телефона.

— Почему она не сказала нам, что так тяжело больна? — спросила я брата, когда он позвонил, чтобы сообщить ужасную новость.

Неловкая пауза.

— Мне сказала, — ответил он. — Но совсем недавно. Сказала, что сделать уже ничего нельзя, а у тебя и так забот хватает. Она знала, что я не стану квохтать, просто сделаю все, как она хочет.

Слово «квохтать» больно ранило меня. Я всегда вываливала на маму свои беды: кому же еще, как не маме, рассказывать о своих самых потаенных страхах и ежедневных несчастьях? Всякий раз, когда случалось что-то ужасное, я думала: «Ну, по крайней мере, будет о чем поговорить с мамой», и отмечала забавные или мрачные детали, которыми уместно будет украсить свой рассказ.

Осознание этого тоже стало своего рода утратой: я скорбела не только по самой маме, но еще и по нашим с ней отношениям. Это было свидетельство того, какой слабой я, очевидно, была в маминых глазах. И теперь мне уже никогда ее в этом не разубедить.

* * *

На следующий день мы с Джеймсом и Иви едем на мамину квартиру, расположенную в самом верхнем этаже невзрачного здания на окраине Уорика. Джеймс поворачивает в замке запасной ключ и толкает дверь, но та поддается всего на несколько дюймов. Я опускаюсь на колени в пыль у порога, ощупываю раму и обнаруживаю, что открыть дверь мешает гора нераспечатанных писем. Я разгребаю их, пока дверь не поддается еще чуть-чуть и Джеймс не заходит внутрь. Я хочу встать, чтобы войти следом, но Иви опирается на мое плечо и перешагивает через меня, аккуратно ступая шипованными каблуками сапог из крокодиловой кожи на островки половиц, виднеющиеся посреди океана конвертов и рекламных листовок.

— Боже правый, — говорит она. — Любой другой подумал бы, что она умерла уже много лет назад.

Я ошеломленно гляжу в ее удаляющуюся спину.

Иви шагает по коридору, мельком бросив взгляд на картины в рамах и не сочтя их достойными внимания. Все верно, Иви, они едва ли стоят холстов, на которых написаны: ведь их писала я.

Я складываю письма стопкой, представляя, как мама лежит на больничной койке, а в почтовый

ящик день за днем все сыплются и сыплются бессмысленные, тягостные напоминания о нормальной жизни. Ей было шестьдесят четыре года, она умерла неожиданно; разумеется, счета, письма и всякий спам продолжали приходить — никто не ожидал такой внезапной кончины. И вновь меня поразила чудовищность ее смерти. Я уже никогда не смогу позвонить ей просто так, чтобы спросить, видела ли она, какая сегодня большая луна, или уточнить рецепт булочек; никогда больше не буду ужинать с ней вместе на Рождество, мне никогда больше не придется тайком возвращать в «Маркс и Спенсер» не подошедшие подарки на день рождения. Никогда я не услышу от нее: «Не волнуйся, милая, я уверена, что это пустяки». Я шмыгаю носом и сглатываю слезы.

Джеймс снова появляется с рулоном черных мусорных пакетов, отрывает от него длинную полосу и протягивает мне.

— Держи. Иви, дай ей бог здоровья, разбирает мамину одежду.

Во мне вдруг вспыхивает негодование.

— А тебе не кажется, что стоило попросить об этом меня?

— Успокойся! Мы подумали, что тебе это будет слишком тяжело, вот Иви и вызвалась. Ты бы лучше спасибо ей сказала: у нее, сама знаешь, глаз наметанный. С первого взгляда видит, годится ли что на продажу, хотя она сразу сказала — скорее всего, большую часть придется отдать на переработку или в благотворительные магазины...

— Мама не виновата, что одевалась не так, как Иви хотелось бы. Отец от нее ушел вместе с деньгами и успел спустить все на любовницу, пока попыта не откинул!

Джеймс переминается с ноги на ногу.

— Не надо так выражаться, женщине это не к лицу.

— «Женщине не к лицу», — передразниваю я, глядя ему в спину. С каких это пор мой брат стал таким ханжой? Наверное, с тех самых, как Иви за него взялась.

Собрав письма в охапку, я уношу их в гостиную, где сваливаю на кофейный столик, и при этом маневре они сшибают на пол фотографию в рамке. Джеймс поднимает ее, долго смотрит, а затем протягивает мне. Фотография выцвела до охристого и бледно-голубого — цвета старой фотопленки «Кодак». На ней мы вчетвером, мама, папа, Джеймс и я, стоим перед живой изгородью и старыми воротами, а за нами — сияющий простор моря, уходящий в бесконечность. Нам с Джеймсом на вид лет по восемь. Никто бы в жизни не догадался, что мы близнецы. Мы и внешне не похожи друг на друга, и общего у нас всегда было немного. Едва мы сформировались как маленькие личности, семья разделилась по половому признаку: мы с мамой, светловолосые интроверты со страстью к книгам и растениям, и Джеймс с папой — темноволосые, уверенные в себе, шумные, вечно исчезающие по своим мужским делам. Это фото — окно в ушедшую эпоху.

«Интересно, кто же снимал? — размышляю я. — Очевидно, эта фотография много значила для мамы, но я не припоминаю, где и когда она сделана».

Джеймс пожимает плечами, не проявляя интереса.

— Это можно выбросить. Рамка-то пластиковая.

— Я ее себе возьму.

Я отгибаю черные металлические скобки сзади, чтобы вынуть драгоценное фото из рамки, а Джеймс уже занят другим делом: открывает шкафы и громко удивляется при виде того, чем они набиты.

Мама переехала в эту квартиру, когда они с папой развелись. Заявила: ей нравится, что это жилище такое маленькое, изящное, как ювелирное украшение, и ухаживать за ним гораздо легче, чем за их большим старым домом с четырьмя спальнями. Я приняла это за чистую монету, обманувшись свежевыкрашенными стенами, яркими занавесками и ковриками, и никогда не замечала, что большие ковры под этими ковриками истерлись до дыр, что в ванной и в спальне под окном завелась плесень и что вся эта атмосфера ветхости и заброшенности — отражение маминого состояния. Оглянувшись на Джеймса, я увидела, что от сырости отвалился солидный кусок карниза. Должно быть, он упал недавно, раз остался неубранным: видимо, до тех пор как-то держался, а как только мамы не стало, взял и рухнул.

— Если ты займешься почтой, я загляну в ее письменный стол, поищу документы, которые нам понадобятся для признания завещания. Про-

сто выброси весь мусор, оставь только официальные письма и счета.

С этими словами он выходит в гостевую комнату. Из-за двери доносится лязг вешалок и деловитое шурушание сброшенной с них одежды, которую засовывают в мусорные мешки.

Мальчикам своя работа, девочкам — своя.

Я перевожу взгляд на груды писем. Счета. Банковские выписки. Запросы по кредитным картам. Еще счета. Каталоги, реклама местных читательских клубов, объявления о продаже инвалидных кресел, приборов для улучшения кровообращения, новых садовых украшений, солнечных батарей... Я вздыхаю. Грустно думать, к каким мелочам можно свести человеческую жизнь, сколько в ней сиюминутного и преходящего.

Появляется Иви, несущая в каждой руке, обтянутой резиновыми перчатками, по объемистому мусорному пакету. Интересно, перчатки она с собой принесла? Может, у нее целый защитный костюм припрятан в сумочке от «Прада»?

— Столько всего нужно перебрать! — выдает она вибрирующую трель. — Как после благотворительной распродажи. — Она проскальзывает с набитыми мешками в дверной проем и выходит в коридор, откуда возвращается уже с пустыми руками. — Надо было заказать мусорный контейнер!

Горло у меня каменеет и сжимается, как будто неуклюже огромные слова застряли в нем и перекрыли воздух. Я смотрю, как Иви стягивает один перчаточный палец за другим и со щелчком возвращает на место — такими быстрыми и четкими

движениями, будто проводит медицинскую процедуру. Лак у нее на ногтях темно-сливовый, похожий на застарелые пятна крови.

— Бедная Бекки. — Она знает, что я не люблю, когда она меня так называет: слишком фамильярно. — Это так ужасно — потерять мать после всего, что ты пережила. Она выдерживает паузу. — Так жаль, что Эдди не смог прийти тебя поддержать.

Есть ли тут хоть капля искреннего участия, или Иви просто старается показать свое превосходство?

— Я хочу сказать, это все-таки уже немножко за гранью — не побыть с тобой в день похорон матери. Тем более что ты такая хрупкая.

Меня злит, что Иви настолько в курсе того, в какую яму скатилась моя жизнь. А еще хуже — что она совершенно права. Слезы щиплют глаза, но не плакать же при Иви. Я поднимаюсь на ноги.

— Мне нужно покурить, — бормочу я и спасаюсь бегством.

* * *

На самом-то деле я не курю — и никогда не курила. Я сижу на бетонных ступеньках и тычу дрожащими пальцами в экран телефона, пытаюсь выбрать из списка свой домашний номер. Мне нужно услышать голос Эдди: это меня успокоит.

Когда я со слезами рассказывала ему о том, какие ужасные стихи из Библии выбрал Джеймс и какое казенное место нашел для траурной церемонии, Эдди прижал меня к себе и дал выплакаться у него на груди. Но едва я упомянула о том, что его ко-

стюм нужно отдать в химчистку, он посмотрел на меня так, словно я нанесла ему смертельную рану.

— Бекс, ты ведь в курсе, с костюмами и похоронами не ко мне. Я художник! — Он провел рукой по своей буйной темной шевелюре, раздраженный таким непониманием глубинного свойства его натуры. — Послушай, ты знаешь, как я любил твою маму. Я бы с радостью помог тебе устроить ей достойные проводы. Но сейчас никак — пойми, Ребекка, у меня же выставка! Тут не то что дня — часа терять нельзя! Да и какой смысл? Дженни больше нет, и ей в любом случае был бы поперек горла весь этот ритуал и пустая церемония. Она бы сказала: «Бога ради, Эдди, ты должен сделать все, чтобы твоя выставка имела успех. Это же очень важно».

Да, мама именно так и сказала бы. В тот миг я почувствовала себя жалким ничтожеством. Но это было до вчерашнего телефонного разговора, который изменил все. Он звенел у меня в голове всю ночь, бился о стенки черепа, то тут, то там откалывая по краешку кусочки мыслящей материи, и в конце концов я встала, отупевшая и безучастная, не проспав, наверное, и двух часов. Мне хочется рассказать Эдди об этом звонке. Но нельзя: это слишком эгоистично. Он и так через многое прошел вместе со мной. Расскажу после выставки, а пока я хочу только услышать его голос, хочу виртуального объятия от человека, с которым прожила десять лет.

Мы так и не поженились по-настоящему: Эдди сказал, что брак — мещанский социальный конструкт, придуманный для обуздания человеческой индивидуальности. «Покрасоваться в шикар-

ных нарядах, чтобы куча людей, которые тебе даже не нравятся, накупила тебе подарков, которые тебе даже не нужны, а потом напилась и наелась до отвала за твои денежки, которых у тебя нет, — это глупо!» Я была отчасти согласна: нам не требовалась бумажка для доказательства того, как сильно мы любим друг друга, и религиозность нам обоим не свойственна. А кроме того, мы сидели на мели.

Но если бы мы поженились и если бы Эдди пошел со мной на мамины похороны, я бы чувствовала себя более защищенной от этого мира, в том числе и от колкостей Иви, хотя на общем фоне это сущая мелочь.

Этот общий фон снова обступает меня со всех сторон. Я отбрасываю его на задворки сознания и нажимаю наш домашний номер в списке контактов. Гудки ожидания все идут и идут. Я представляю, как телефон звенит в гостиной нашей лондонской квартиры, как звук отдается от стен, от разномастной мебели, от пустого экрана телевизора, от полузадернутых штор. Я продолжаю звонить — на случай, если Эдди в другой комнате, но уже понимаю, что его там нет. Обрываю звонок, пытаюсь дозвониться на его мобильный, и на мгновение сердце у меня замирает, когда я слышу его голос, а затем падает, когда я понимаю, что это всего лишь голосовая почта. Вероятно, он в студии, заканчивает последние работы для выставки. Для него это заманчивая возможность, и он честно заслужил свой глоток воздуха, свой судьбоносный лучик удачи, который так нужен любому художнику.

Вернувшись в квартиру, я с облегчением вижу, что в гостиной никого нет, хотя мебель за это время украсилась разноцветными наклейками: белые — на диване, кресле, журнальном столике, книжном шкафу; красные — на телевизоре и зеркале георгианской эпохи, принадлежавшем некогда бабушке Джо. Я хмурюсь. Где-то наверху скрипят балки: Джеймс на чердаке, роется в поисках чего-нибудь пригодного для продажи среди обломков маминых надежд и увядших мечтаний.

Собравшись с силами, я выбрасываю каталоги и спам в мусорный мешок, складываю в стопку письма, похожие на официальные. И успеваю перебрать больше половины стопки, прежде чем в руках у меня оказывается адресованный миссис Женевьеве Янг бледно-голубой конверт, подписанный твердой рукой.

Я вскрываю его. Внутри — два сложенных листка почтовой бумаги марки «Бэзилдон Бонд», исписанные неровным почерком.

«Дорогая Дженни...»

Видимо, это от кого-то, кто хорошо знал маму, раз называет ее этим мало кому известным уменьшительным именем.

«Я вынуждена просить тебя приехать немедленно!!!»

Слово «немедленно» подчеркнуто так яростно, что перо прорвало бумагу.

«Эти черти стали поговаривать о том, чтобы упрятать меня в дом престарелых, хотя смешно называть это казенное заведение домом. А я туда не хочу!!! Пусть мне уже давно девяносто стукну-

ло, пусть кто-то скажет, что стукнуло прямо по голове, но я еще не выжила из ума! Чайналс — мой дом. Мой любимый дом. В этом доме я родилась и в нем намерена умереть! Меня отсюда только ногами вперед вынесут!!!

Ужасно досадно, когда не можешь подняться по лестнице. Износ плоти — дело суровое. Сходить в уборную — все равно что совершить экспедицию на Северный полюс. Я всегда ненавидела холод. Жаркие страны куда приятнее. Когда-то я бродила по пустыне Сахара...»

Кто это пишет? Я переворачиваю последнюю страницу и вижу витиеватую подпись внизу: «Твоя кухня, Оливия Китто». Буква «К» украшена такими причудливыми завитушками, будто выведена чернилами в елизаветинские времена. Имя всколыхнуло во мне далекие воспоминания — давний семейный отпуск в запахах водорослей и соленой воды. Окруженные скалами озера, сети для ловли креветок, бедра трет жесткое, все в песке, полотенце. На конверте написано: Чайналс, Порт-Энис, Корнуолл. Индекса нет, словно этот дом находится не в современном мире, а где-то в Нарнии.

«Милая старая чудачка, — слышу я голос отца. — Бабулька с приветом».

Это у нее мы гостили? Да, теперь я припоминаю ту давнюю поездку в Корнуолл. Смутный образ огромного дома, запах, от которого щиплет в носу, странное чувство тревоги...

«Мне нужно, чтобы ты помогла привести Чайналс в порядок, тогда я смогу доживать свой век в собственном доме. В социальной службе гово-

рят, что в доме должна быть нормальная ванная. Нормальная ванная!!! Да кто они такие, чтобы решать, что нормально, а что нет? Бюрократы чертовы! Я и так прекрасно ополоснусь. Я войну пережила, говорю я им. Тогда у нас никаких горячих ванн и электрических душей и в помине не было. В гробу я видела их “здоровье и безопасность”! И у них еще хватило наглости возмущаться по поводу Габриэля! Моего единственного друга, с которым мы уже столько лет вместе! Обозвали его грязным и негигиеничным.

В былые времена Чайналс был красив, да и я, пожалуй, тоже. Сейчас мы оба уже порядком одряхлели. Со мной-то уже дело дохлое, но, Дженни, дорогая, мне нужно, чтобы ты помогла привести в порядок дом. *Humilitas occidit superbiam*¹ и все такое, но мне только это и остается — уповать на твое милосердие. Ведь у меня только вы и остались из родных — ты и твоя девочка, такая милая и воспитанная, правда, как ее звать, не припомню. Больше мне некому довериться!!! Они кружат надо мной, как стервятники. Если ты приедешь, мы их живо выставим отсюда! Чтобы духу их тут не было!!! Вот приедешь, и я тебе все расскажу. Ночевать можешь в комнатах наверху: они в идеальной сохранности!!!»

Множественные восклицательные знаки, подчеркивания и зубодробительная латынь настораживают, но мне становится жаль бедную старушку, сраженную болезнями, немощью и хитроумными

¹ Смирение побеждает гордыню (*лат.*).

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДЖЕЙН ДЖОНСОН
ВОРОТА К МОРИЮ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.03.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филнал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaonprk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-IND-38681-01-R